

Игорь Бутман: «НЕ ВСЕ МУЗЫКАНТЫ — ЮРОДИВЫЕ»

ЕМУ НЕ ЗАНИМАТЬ ЧУВСТВА ЮМОРА, ЖИЗНЕРАДОСТНОСТИ И КАКОЙ-ТО ХОРОШЕЙ ДЕТСКОСТИ. ДАЖЕ ОДИН ИЗ ЕГО НОВЫХ АЛЬБОМОВ, В КОТОРОМ СЫГРАНЫ КОМПОЗИЦИИ ИЗ ВСЕМИ ЛЮБИМЫХ МУЛЬТФИЛЬМОВ И ДЕТСКИХ ФИЛЬМОВ, НАЗЫВАЕТСЯ «ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ». А В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ИГОРЬ БУТМАН ПРЕБЫВАЕТ В ПРИПОДНЯТОМ ВЕСЕННЕМ НАСТРОЕНИИ, ТАК КАК ПОЛГОДА НАЗАД ОН ВО ВТОРОЙ РАЗ СТАЛ ПАПОЙ.

Он открытый, доброжелательный, спокойный. Но может в одно мгновение превратиться в настоящий вулкан. Особенно если дело касается любимой профессии. Джаз невозможен без импровизации, и в жизни Игоря Бутмана не раз происходили импровизации. Он не боится пробовать что-то новое, делать то, чего никогда не делал. Так он принял участие в первом проекте «Звезды на льду» на Первом канале, где покориł всех своей смелостью, артистичностью и чувством юмора. Ему удается совмещать главное дело его жизни — музыку, включая многочисленные гастроли, — с самой жизнью в ее самых разнообразных проявлениях.

Игорь, вы только что вернулись из тура по Америке. Чем он был важен для вас?

Это был первый большой тур по Америке, в ходе которого мы благодаря Юрию Башмету (это был совместный тур) выступали в главных концертных залах Америки, рассчитанных на две-три тысячи зрителей. Самый маленький зал на 1200 мест был в Канзасе. И практически в каждом городе были аншлаги. В Вашингтоне по

просьбе нашего посла для улучшения отношений между нашими странами был организован концерт в посольстве. Присутствовали два последних посла Америки в России, которые сейчас будут занимать ключевые посты в администрации США. Они стали нашими друзьями; работая в Москве, мы много выступали в американском посольстве. А я считаю, что все контакты завязываются именно на культурных и спортивных

**«ХОЧЕТСЯ КУПИТЬ САМОЛЕТ,
НО НЕТ ДЕНЕГ. ВСЕ, ЧТО
ИМЕЕТ РОМАН АБРАМОВИЧ,
ТОЖЕ ИМЕТЬ ХОЧЕТСЯ»**

«НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ ПРИХОДЯТ
НА МОЙ КОНЦЕРТ И СМОТРЯТ,
КАТАЮСЬ Я ИЛИ НЕТ. КОНЬКИ
ВЫЗВАЛИ ИХ ЛЮБОПЫТСТВО,
А МУЗЫКА ИХ ДОКОНАЛА»

мероприятиях (*улыбается*). Кстати, бывший посол Александр Вершбоу — барабанщик-любитель — сыграл вместе с нами.

На носу первое апреля. Чувства юмора вам не занимать. А были ли у вас какие-то программы или концертные номера из серии «Музыканты шутят, улыбаются»? Мы все время улыбаемся. У нас каждый концерт как перво-апрельский.

Вы пришли минута в минуту, как обещали. Правда, до этого забыли о встрече. Так чего в вас больше: забывчивости или пунктуальности?

Я думаю, поровну и того, и другого. Я бы пришел еще раньше, чем договаривались, потому что у меня должна была быть репетиция, а репетицию отменили, так как я забыл, что у меня интервью на радио «Культура» (*смеется*). Стараюсь быть пунктуальным, но не всегда это получается.

Правда, если чувствую, что опаздываю, звоню, предупреждаю.

И перезваниваю, если мне звонят: раз человек звонит, значит, ему что-то нужно. Да и невежливо, считаю, не перезванивать.

У вас, как я слышала, сегодня еще несколько встреч. Вы деловой и очень мобильный человек...

В общем, да. Каждый день какие-то встречи, дела. Правда, не всегда понятно, для чего нужны эти встречи (*смеется*).

Если непонятно, почему не отказываться? Какие у вас отношения со словом «нет»?

Если бы было совсем не нужно, тогда можно было бы сказать «нет».

Вы по-прежнему сами за рулем.

Нет мысли взять водителя?

Во-первых, мне нравится водить. Во-вторых, водитель — это траты. А хорошему водителю и платить нужно хорошо. К тому же, когда ты за рулем, меньше искушений. Например, выпить. У меня хорошая машина, я себя прекрасно в ней чувствую, но даже когда была плохая, все равно мне это доставляло удовольствие.

Вы не разучились считать деньги, хотя отсутствие щедрости или

«ЕСЛИ БЫ КТО-ТО ИЗ ДРУГИХ МУЗЫКАНТОВ ВСТАЛ НА КОНЬКИ, БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ УЗНАЛИ БЫ, КТО ОН ТАКОЙ, И ОЦЕНИЛИ ЕГО ИСКУССТВО»

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Игорь Бутман родился 27 октября 1961 г. в Санкт-Петербурге, тогда Ленинграде. В 11 лет начал заниматься в музыкальной школе по классу кларнета. Одновременно начал играть в хоккей и даже выступал за юношескую сборную Ленинграда. В 1976 г. поступил в музыкальное училище им. Мусоргского по классу саксофона. Студентом начал выступать в ансамбле Давида Голощекина. Участвовал в записях групп «Популярная механика» Сергея Курехина и «Аквариум» Бориса Гребенщикова. В 1983 г. выступал в ансамбле «Аллегро» под руководством Николая Левиновского. В 1987 г. уехал в США, где поступил в джазовое училище в Бостоне. Получил степень бакалавра. Приобрел известность как сольный музыкант. Выпустил несколько альбомов в Америке. В 1989 г. переехал в Нью-Йорк. В 1995 г. вернулся в Москву. Выступал в Грановитой палате перед Клинтон и Ельциным. Является организатором фестивалей «Триумф джаза», многих фестивалей джаза. Выступал на лучших площадках США, в том числе в Линкольн-центре с ведущими джазовыми исполнителями. Играл в спектакле Михаила Козакова «Дуэт для голоса и саксофона», писал музыку и выходил на сцену в его же спектакле «Играем Стриндберг-блюз». В 2004 г. получил государственную премию в области литературы и искусства. Новый альбом «Веселые истории» стал лидером продаж и отмечен как один из лучших джазовых альбомов в мире. В 2009 г. исполнится десять лет «Биг-бенду» Игоря Бутмана.

намеки на скупость в вас никогда не были замечены. Что это — советская закалка, знание малообеспеченной жизни?

Дело даже не в закалке. Просто существуют необходимые расходы и необязательные. Пока острой необходимости в водителе у меня нет. А брать человека и гарантировать ему зарплату... Это ответственность.

Признайтесь, у вас есть какие-то материальные мечты, каковы ваши амбиции в этом смысле?

Хочется, допустим, купить самолет, но нет денег. Все, что имеет Роман Абрамович, тоже иметь хочется (*смеется*).

От какой покупки или подарка вы испытали большую радость в последнее время?

Я получаю большое удовольствие, когда покупаю хоккейные клюшки. Вот сейчас предложили две хорошие клюшки, и я купил. Одну подарил брату.

А клюшки — это дорогое удовольствие?

Клюшка стоит 200 долларов.

Это, конечно, не машина, но в принципе 200 долларов — это большие деньги для того, чтобы гонять шайбу.

Приятно, когда человек реально ориентируется в ценах...

Можно купить клюшку и за 1000 рублей. Мне тоже смешно слышать, когда люди говорят: «Купила себе сапоги за копейки — 1000 долларов». Конечно, это копейки относительно 3000 евро за сапоги (*смеется*). Но, с другой стороны, должны быть такие случаи, когда ты можешь позволить себе купить то, что очень хочешь.

Вы упомянули слово «ответственность». А как вы чувствовали себя

«КОЛЛЕКТИВ — ЭТО СЛОЖНАЯ ВЕЩЬ. МОЖНО ВСЕХ ВЫГНАТЬ И НАБРАТЬ НОВЫХ. НО БУДУТ ТЕ ЖЕ САМЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

на льду, когда нужно было нести ответственность за партнершу?

Вы все путаете, там была ответственность у партнерши за меня (*смеется*). А партнерша у меня была супер! Супер-Маша! А если серьезно, ответственность я почувствовал уже тогда, когда согласился участвовать в проекте. И, конечно же, надо было не уронить Машу, которая тогда была действующей спортсменкой.

А когда вы пришли в проект, у вас была цель или задача-максимум победить или не вылететь до какого-то этапа?

Честно говоря, никакой особой цели победить не было. Хотелось каждый номер сделать как можно лучше. Когда Илюша просил меня выступить, никто не знал, что это будет такое популярное шоу. И поэтому я думал, что месяц там потусуюсь и отправлюсь на гастроли. Хотя, конечно же, когда ты попадаешь в номинацию, все равно хочешь, чтобы тебя сохранили, несмотря на то что ты занят и жалуешься жене, что тебе тяжело, что ты устаешь... Любой проигрыш всегда обиден.

Проиграть в «Звездах на льду», где вы сами за себя, и в хоккее — это не одно и то же?

Для меня это одно и то же. Когда проигрываешь в хоккее, переживаешь день-два, думаешь об этом, вспоминаешь промахи. Но у меня есть масса вещей, за которые я переживаю гораздо больше. Это касается любых нюансов в музыке.

А как вы воспринимаете критику?

На вас часто ополчаются как на слишком публичного человека — мол, слишком раскручены, вот и на лед вышли для пиара...

Про лед, конечно, пописывают (*смеется*). Не все берут у меня

интервью и спрашивают, почему я участвовал в шоу, для чего я это сделал. Мало кто допускает, что человек просто захотел попробовать себя в чем-то другом, что ему это интересно. Все думают, что музыканты должны быть какими-то юродивыми. Конечно, есть музыканты действительно не от мира сего, и они великолепные люди, но они ничего, кроме музыки, не знают. Они зажаты в жизни, а я такой... пацанистый парень, могу подраться, поиграть в хоккей, в футбол, настольный теннис, волейбол... Этому нас с братом научил отец. Поэтому почему бы не пойти, не покататься на коньках? Если бы кто-то из других музыкантов встал на коньки, может быть, больше людей узнали бы, кто он такой, и оценили его искусство.

И про Башмета могут сказать, что он везде...

Башмет пока не был на льду, так что у него есть преимущество (*смеется*). Но Башмет в прошлом году был удостоен «Грэмми» за свой альбом. Я в прошлом году получил в западном журнале 4,5 звезды по пятибалльной шкале. И это никак не связано с тем, что стою на коньках, потому что человек, который оценивал этот диск, вообще обо мне ничего не знал. Повлияли мои коньки на его оценку? Нет. Журналисты не знают, что мы делаем, как мы делаем, кроме того, что я провел три часа на катке. Сейчас мы пишем вторую пластинку «Классика в джазовой обработке», где будут произведения Чайковского, Римского-Корсакова, даже Никколо Паганини. У нас в планах — сделать пластинку «От Бутмана до Гудмана». У нас в альбоме, который мы записали, будет играть как специальный

гость Уинтон Марсалес — это то же самое, что в кино Роберт де Ниро. У кого из наших режиссеров снимется де Ниро?!

Я очень требователен к своим музыкантам. Мы все время говорим о музыке, много путешествуем, много играем. Я ставлю высокую планку по звуку, исполнению. Я трачу много времени на это плюс на административную организацию в моем оркестре для того, чтобы музыканты постоянно получали зарплату, и не две-три тысячи, даже в те месяцы, когда нет концертов. А музыкантов у меня восемнадцать человек, всего же работает двадцать. Я должен думать о них, искать государственную и частную поддержку. Но все это выливается в огромные тома музыки, которую мы играем на наших концертах, на международных гастроях. И если бы мы сейчас в Америке играли плохо, то больше мы туда не поехали бы вне зависимости от того, катаюсь я на льду или нет. Люди могут быть разными. Но если это не влияет на музыку, не мешает ей, то хочет человек быть зажатым, чтобы его никто не видел, или наоборот — это его личное дело. Любой человек, в том числе творческая личность, может заниматься чем угодно и имеет право на личную жизнь. Но бывает, что человек становится известным и у него начинает снижаться уровень исполнения. Вот это плохо. Можно беспрерывно ходить на все программы, но твои пластинки все равно не купят. Есть один персонаж среди музыкантов — у него своя группа — который стал телевизионным героем, а музыка перестала быть для него главным делом. А вот Макаревич, например, не потерялся после своего «Смака» и не лишился музыкального чутья. Он играет и с оркестром «Креольское танго», и с «Машиной времени». Хотя многие его знают как человека, который готовит суп. Меня многие узнали после льда, и некоторые люди приходят на мой концерт и смотрят, катаюсь я или нет. Но если я смог завлечь

выйдет. Говорят, что меня боятся ребята в оркестре.

Неужели?!

Да, я... строгий. Но это необходимость. Знаю, что и Башмет тоже очень строг. Но этому виной наше российско-советское разгильдяйство. И пока можно работать с людьми только так. И, кстати, мои музыканты почувствовали, что, когда у них изменилось отношение к работе и получаться стало по-другому, я перестал быть строгим. Я могу быть очень мягким и очень жестким. Коллектив — это сложная вещь. Конечно, можно рубить сплеча, всех выгнать и потом набрать новых. Но будут те же проблемы. Я считаю, что нужно понимать музыкантов и причины их поступков. Но жестким тоже необходимо быть. Нужно использовать метод кнута и пряника. Все прощаемо, кроме безответственности и предательства. Например, не пришел человек на концерт — это вообще криминал, но если человек не является на репетицию без уважительной причины, мне это тоже непонятно и это тоже основательно наказуемо.

А в чем проявляется ваша строгость? В строгом тоне, жесткой критике, в крепких словах?

Это все вместе. Без крепких слов у нас не понимают. Всосан-

новых людей на свою территорию, на территорию музыки, которую я люблю, это хорошо. Получается, что коньки вызвали их любопытство, а уже музыка, если она им понравилась, их доконала.

Если вы замечаете у своего музыканта усталость, вы растаетесь или принимаете какие-то меры?

Помню, как вы расстались с человеком, который подвел оркестр...

Но почему он подвел? Это же следствие. Это произошло от того, что он устал. Бывало такое, когда чувствуешь, что кто-то играет без азарта.

А вас самого никогда не покидает музыкальный азарт?

«БЕЗ КРЕПКИХ СЛОВ У НАС НЕ ПОНИМАЮТ. ЭТО НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ РАБОТЫ В ЛЮБОМ ДЕЛЕ»

Нет. Бывает, что сегодня просто не получается. А драйв есть всегда. **Азарт и темперамент у вас не исчезают ни с возрастом, ни с кризисом... Помню, как вы рассказываете, что в крайнем случае могли и кулаки в ход пустить... А сейчас?** Ну, уже нет. Бить нельзя. Хотя иногда надо. И иногда очень хочется (смеется). Взять дубину и бить по голове, пока вся дурь не

выедет с молоком матери крепкие слова — необходимый элемент работы в любом деле (смеется). **А лишит премии, части гонорара в наказание?**

Вот этого нет. Единственное, чего я не могу, — это наказывать людей деньгами. К тому же, мне кажется, что пока еще в нашей стране деньги не являются определяющим фактором.

Вверху: Игорь Бутман с оркестром, дирижирует Николай Левиновский. Слева: с женой Оксаной. Справа: с Игорем Ивановым и Колином Пауэлом

«КОГДА СПРАШИВАЮТ, ЧТО Я ДЕЛАЮ В КРИЗИС, Я ОТВЕЧАЮ: «РАБОТАЮ». ЧТО МНЕ СИДЕТЬ И ПЕРЕСЧИТЫВАТЬ ДЕНЬГИ?»

А как же «ничего личного, бизнес»?

Нет, понимаете, в нашей стране говорят: «Да у тебя ж денег не будет» — «Да и Бог с ним». Это у нас такая русская гордость. Нищий, но гордый называется. И я не хочу, чтобы меня боялись потому, что я заберу 1000 рублей или 100 долларов.

А поощрить деньгами?

Вот это бывает.

Вы производите впечатление общительного человека. У актеров часто возникает желание помолчать, даже в компании с друзьями...

Я тоже не все время говорю, конечно. Вот с Николаем (Николай Левиновский) мы не виделись недели две, соскучились, хотя каждый день разговариваем по телефону. У нас много творческих идей, планов. И с женой Оксаной тоже много говорим.

Бывает, горячо спорим. Когда есть, о чем говорить, — это хорошо. А если не могу, устал — можно и помолчать. Но когда молчишь, потому что не о чем говорить, — это плохо.

Оксана по-прежнему помогает в работе?

Да, но не так активно, как раньше. Во-первых, многое идет уже по накатанной дороге. А во-вторых, у нас ребеночек маленький, ему шесть месяцев, Марк, Марик...

По-моему, вас это еще взбодрило, развеселило...

Ну, конечно, такое событие... Это внесло новые краски.

Вы оптимист от природы или жизнь в Америке наложила отпечаток на ваш характер?

Наверное, я по натуре оптимист, но Америка, безусловно, добавила позитива в восприятии жизни. Если у американца спрашивают: «Как дела?» — он говорит: «Все ОК». Это уже входит в привычку. Ведь тебя абсолютно не интересует, как у него дела. Это то же самое, что поздороваться. А у нас ты можешь постороннего спросить: «Как дела?» — и он тут же: «Ну, какие дела? Все плохо!» И иногда ты спрашиваешь: «А почему ты говоришь, что все плохо? В принципе же у тебя все нормально. Почему не сказать, что все хорошо?» А он отвечает: «А зачем я буду тебе врать?» Кому нужна эта идиотская правда? Ну, можно сказать: «Неплохо». У нас многие знатоки Америки пишут, что все

американцы очень фальшиво улыбаются. Но хорошо сказала Елена Коренева: «Пусть лучше фальшиво улыбаются, чем искренне смотрят на тебя с ненавистью».

А перед концертом вы, оптимист, как снимаете напряжение?

Перед концертом лучше всего побыть одному. Чем меньше отвлекают, тем лучше.

И сколько времени вам нужно побыть одному?

Минут двадцать, чтобы сконцентрироваться. Но это необходимо. А всякие расслабления: выпить, закусить — вот этого у нас нет. И шутки тоже немножко расслабляют. Шутки хороши после концерта.

А если у вас просто плохое настроение, не перед концертом, чем отвлекаться будете?

Хоккеем, встречей с приятными людьми. Послушаю хорошую музыку.

Музыка вам не надоедает никогда? Помните анекдот про жрицу любви на отдыхе: «А кругом станки, станки, станки...»?

Нет, я же занимаюсь музыкой для удовольствия. Если тебе в компании говорят: «А сыграйте на саксофоне», тогда конечно. Но опять же, если хорошая компания, ты можешь сам захотеть сыграть. Хорошая музыка всегда приводит в хорошее настроение, поэтому ей и занимаешься.

А каким вы себя не любите?

Когда приходится хамить. Потом переживаешь.

Приходится?! То есть в ответ?

Даже не в ответ. Это такая наша манера, выработанная годами. Хамство с одной стороны, распушенность, с другой... На Западе это редко проскакивает, потому что тебя не провоцирует никто. А здесь хамство как будто бы часть нашей культуры. Как это изменить? Откуда это пошло и как это исправить? К сожалению, это есть. И за это стыдно. Бывают курьезы, когда едешь на машине, кто-то тебя подрезает, и ты начинаешь с ними ругаться. А они говорят: «О! Игорь, здрасте, мы ваши поклонники». И тебе стано-

«НАШЕ ДЕЛО — МУЗЫКА, МЫ МУЗЫКАНТЫ. СПАСАТЬ МИР МОЖЕМ, ДЕЛАЯ КАЧЕСТВЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ»

вится неудобно, потому что ты их только что обматерил (*смеется*). Или какие-то люди сигналият, мигают, и ты думаешь, что ты им проехать не даешь, открываешь окно, начинаешь кричать что-то типа: «Пошли отсюда! Вам что, мало места?» А они: «Игорь, мы вас узнали!» А я-то уже показал свое истинное лицо российского интеллигента (*смеется*). Потом едешь, переживаешь. Если у меня есть возможность извиниться, всегда извиняюсь. Спросить то, что не знаешь, или извиниться — это для меня несложно. Кстати, сын Данила сейчас в школе в Англии, и вот его учат говорить «ай эм сорри», если он ошибся, сделал что-то не так. У нас и в царское время с воспитанием не очень хорошо было, а в советское стало еще хуже, потому что почти всю аристократию и интеллигенцию физически уничтожили, а все остальное, что было негативно в пролетариате, выскочило. И элита создавалась уже из того, что было. Поэтому и элита-то сама не прочь нахамить и за словом в карман не полезет. А тогда люди действительно учились, своих детей отсылали за границу, брали гувернеров-французов и т.д. Пытались что-то изменить. И мы сейчас тоже пытаемся изменить. И уже можем увидеть разницу по сравнению с той элитой, которая выплыла наружу в 90-х годах.

Кризис как-то отразился на оркестре и на вас лично?

Конечно, мы все ощущаем кризис. У нас тоже отменились какие-то концерты. И, наверное, что-то еще впереди. Но мы пережили период, когда у нас вообще не было работы, хотя и кризиса никакого не было. Да, кризис... Но никакой паники у нас нет. Если

нужно будет, сократим какие-то расходы, можем снизить гонорары. Но мы не жалеем денег на то, чтобы сделать хорошую запись. И если спонсор полгода назад хотел дать нам денег, а через месяц после этой проблемы он сказал, что денег нет, то сейчас он в принципе готов дать эти деньги. То есть люди что-то переосмысливают, перераспределяют. У нас сейчас есть продукт, куда мы все вкладываем и на который, несмотря ни на что, найдем средства. Будет меньше денег, ну, хорошо, будем ездить на «Жигулях». Есть люди, которые говорят: «Нет, мы никогда не пересядем на «Жигули». Пересядете, никуда не денетесь. Так же, как пересели на «Мерседесь». Когда меня спрашивают, что я делаю в кризис, я отвечаю: «Работаю». Что мне сидеть и пересчитывать деньги?

Я видел, что у очень известных людей, олигархов настроение сейчас такое, что просто готовы повеситься. А немецкий миллиардер, который бросился под поезд?... А вот у нас настроение не упало резко, и хотя где-то нам будет хуже-лучше, настроение настолько не упадет.

Наше дело — музыка, мы музыканты. Спасать мир мы можем, делая качественную продукцию, благодаря которой, как бы это пафосно ни звучало, нашей стране будет чем гордиться. Мы же гордимся тем, что родились в этой стране, что у нас есть история, что у нас есть олимпийские чемпионы, что у нас есть Пушкин, космические спутники, наше искусство... И мы хотим, чтобы наши люди гордились и нами, тем, что есть братья Бутманы, которые неплохо играют джаз (*смеется*).

Марина Зельцер